БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
A. HARING & Co.
BERLIN W. 30, :: MOTZSTRASSE 65.
ПОКУПКА и ПРОДАЖА
ЦѢННЫХЪ БУМАГЪ
РАЗНЫХЪ ИНОСТРАН.
ДЕНЕЖНЫХЪ ЗНАКОВЪ.
КАССА ОТКРЫТА ОТЪ 9—4 ЧАСОВЪ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
E. A. MAYER & Co, Komm. Ges.
BERLIN-SCHÖNEBERG, HAUPTSTR. 13
Тел.: Stephan 3425
ПРОИЗВОДСТВО ВСѢХЪ БАНКОВЫХЪ ОПЕРАЦІЙ

Жанъ Нуаръ.

Въ меблирашкахъ.

...Сегодня утромъ пришелъ трубочистъ въ синей запачканной блузѣ, худой, высокій человѣкъ съ растрепанной, сѣдѣющей бородой и голубыми наивно-дѣтскими глазами.

Онъ открылъ въ печкѣ отдушину, просунулъ въ нее руку, вооруженную метелкой, повозился тамъ нѣсколько минутъ, потомъ захлопнулъ дверцы и ушелъ, оставивъ на полу черную кучку сажи.

А послѣ его ухода зашла прислуга и вымела ее.

...Скоро начнутъ топить. Затрещатъ дрова, облизнутся сине-красными языками и кто-то глухо забубнитъ въ трубѣ.

Мелкій безрадостный дождь станетъ мыть оконныя стекла, оросить осенними слезами послѣдніе осклизлые листья акацій, а озорный вѣтеръ сорветъ ихъ и швырнетъ въ мутныя холодныя лужи.

По вечерамъ, сквозь тяжелую сырую мглу, расплывчато намѣтятся подслѣповатые фонари, на углахъ притихшихъ улицъ будутъ маячить унылыя тѣни одинокихъ людей, а ночныя женщины станутъ озлобленнѣй, назойливѣй и циничнѣй...

* * *

...«По обычаю петербургскому
Мы не можемъ жить безъ
шампанскаго...
Мы не можемъ жить безъ
шампанскаго
И безъ пѣнія безъ цыганскаго»...

Это поетъ мой сосѣдъ справа — бывшій «деникинецъ». Онъ въ свое время пѣлъ царскій гимнъ, колотилъ въ порывѣ патріотизма посуду въ ресторанахъ, щупалъ жидовъ и спасалъ Россію... Но въ концѣ-концовъ рѣшилъ, что лучше спасти самого себя, и поэтому заблаговременно и благополучно перебрался «по ту сторону добра и зла»...

Встаетъ онъ поздно, и сквозь тонкую, трухлявую стѣнку моей комнаты я слышу, какъ онъ ходитъ изъ угла въ уголъ и громко насвистываетъ маршъ Ахтырскаго полка. Потомъ высовываетъ голову въ коридоръ и по старой «кадровой» привычкѣ кричитъ номерному:

— Семенъ, почему воды нѣтъ въ кувшинѣ? Опять забылъ налить, ррракалія! Ж-жива! —

И такъ сильно захлопываетъ дверь, что у меня дребезжатъ въ окнѣ стекла. Къ часу дня онъ выходитъ чисто выбритый съ длинными до половины щекъ запущенными висками, одѣтый въ коричневый френчъ съ громадными накладными карманами и въ такого-же цвѣта галифэ, засунутые въ узкіе высокіе ботфорты.

Возвращается онъ тоже поздно, а порой и совсѣмъ не ночуетъ дома. И тогда онъ приходитъ утромъ, сразу тяжело опускается на кровать и моментально начинаетъ густо и громко храпѣть.

Иногда къ нему вечеромъ приходитъ товарищъ. Они начинаютъ говорить о Болгаріи, о Константинополѣ, о тяжкихъ мытарствахъ «хожденій по визамъ». Потомъ мой сосѣдъ начинаетъ пѣть, а товарищъ аккомпанируетъ ему на гитарѣ.

У «деникинца» небольшой, но красивый, молодой и послушный баритонъ. Грустно поетъ голосъ народную пѣсню. И слышится въ ней глубокая тоска по оставленной родинѣ съ ея широкими степями, дремучими лѣсами, полноводными рѣками и необъятнымъ просторомъ.

Тихія слезы дрожатъ въ этой пѣснѣ, трепещетъ и въ судорогахъ безысходнаго одиночества бьется раненая разлукой душа.

...«Нѣту батюшки, нѣту матушки,
Лишь тоска одна»...

Потомъ пѣніе обрывается. Наступаетъ молчаніе. Хлопаетъ дверь и въ корридорѣ слышится скрипъ ботфортовъ.

* * *

...Налѣво живетъ Татьяна Львовна. Она гдѣ-то стучитъ на машинкѣ. Уходитъ въ 9 часовъ утра. Возвращается въ 3 часа. Къ 5-ти снова уходитъ и приходитъ домой къ 10-ти.

Она молода, миловидна, стройна, съ чистымъ, нѣжнымъ, не знающимъ косметики личикомъ. Съ немного грустными большими сѣрыми глазами и свѣтлокаштановыми волосами, чуть выбивающимися изъ подъ маленькой фетровой шляпки. Одѣта она скромно, но опрятно, какъ одѣваются интеллигентныя гувернантки.

Иногда ее вечеромъ кто-то провожаетъ, и у двери ея комнаты мужской голосъ говоритъ сдавленнымъ шопотомъ:

— Умоляю, разрѣшите посидѣть у васъ нѣсколько минутъ... Вы знаете, какъ я хочу васъ видѣть, слышать и любоваться вами...

— Нѣтъ, не сегодня... Я такъ устала... чувствую себя не важно... Какъ нибудь въ другой разъ... — отвѣчаетъ Татьяна Львовна.

— Бога ради, скажите, когда я могу надѣяться?

— Скажу, скажу... только не сейчасъ... Не обижайтесь, вѣдь вы добрый, неправда-ли?

Слышенъ короткій вздохъ, разочарованное «до свиданья» и мужскіе шаги удаляются по направленію къ выходу.

Двѣ недѣли тому назадъ моя сосѣдка вернулась вечеромъ раньше обыкновеннаго. И въ ея комнатѣ послышался вкрадчиво-сладенькій тенорокъ:

— Наконецъ-то я вошелъ въ землю обѣтованную... «Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный, привѣтъ тебѣ пріютъ священный...» О, Маргарита, собирайтесь живо, чтобы не опоздать къ началу спектакля..... «Красавица, позвольте предложить вамъ руку»... Готовы?

Раздался разсыпчатый смѣхъ Татьяны Львовны и ему вторилъ мелкій елейный мужской смѣшокъ. Черезъ полчаса они ушли.

Съ тѣхъ поръ Татьяна Львовна стала возвращаться поздно, долго не ложилась и въ ея комнатѣ раздавались мужскіе голоса: то солидные рокочущіе басы, то воркующіе баритоны, то сахарно-медовые теноры...

А вчера случайно выйдя въ корридоръ, я столкнулся съ ней.

На моей сосѣдкѣ была громадная бѣлая шляпа съ художественно-капризнымъ изгибомъ, на ногахъ сѣрые, отливающіе стальнымъ скользкимъ блескомъ шелковые чулки и блестящія лакированныя туфли съ нелѣпо вытянутыми носами. Одѣта она была въ элегантный костюмъ изъ синяго шевіота. И, быть можетъ, мнѣ только показалось, ея губы были ярче обыкновеннаго, а подъ глазами лежали синеватые круги.

Замѣтивъ мой удивленный взглядъ, она на минуту смутилась и умышленно громко, расчитывая на то, чтобы я услышалъ, сказала стоявшему неподалеку и очевидно ожидавшему ее плотному блондину съ крючковатымъ носомъ и маленькими поросячьими глазками:

— Видите, Григорій Ильичъ, какъ хорошо пріобрѣсти дядюшку въ Америкѣ!

При этомъ она быстро провела рукой отъ шляпы до лаковыхъ туфель и театрально расхохоталась...

* * *

...Смеркается. Окно моей комнаты задергивается мглистой занавѣской октябрьскихъ сумерекъ. И кажется, что вся комната медленно засыпается падающей съ потолка холодной золой.

Тишина. Жильцовъ нѣтъ. Они ушли послѣ обѣда и еще не вернулись.

Мнѣ некуда итти. Я лежу на кровати и думаю о соціальныхъ несправедливостяхъ, объ обезцѣненіи интеллигентскаго труда, о торжествѣ невѣжества, грубости и хамства...

Потомъ мои мысли принимаютъ лирической характеръ. И я начинаю думать о близкихъ людяхъ, оставшихся далеко въ океанѣ бушующихъ звѣриныхъ страстей... Живы-ли они? Увижу-ли ихъ и узнаю-ли?

Потомъ вспоминаю о свѣтлыхъ ароматныхъ дняхъ ушедшей молодости... О дѣвушкѣ съ льняными волосами, синими бездонными глазами — такими яркими, какъ солнце, въ минуты веселья, темными, какъ южная ночь, въ мгновенья страсти, невинными и чистыми, какъ весеннее небо въ моменты лжи и измѣны...

Я думаю о другѣ, съ которымъ меня разъединила проклятая вульгарная жизнь, полная практичности, и циничнаго реализма...

Я слышу стукъ подъѣзжающей пролетки. Это вернулась Татьяна Львовна.

Затѣмъ въ корридорѣ разсыпается искусственный смѣхъ моей сосѣдки, а спустя нѣсколько минутъ въ ея комнатѣ кто-то говоритъ по русски съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ.

* * *

...Я лежу въ темнотѣ и думаю о томъ, что сегодняшній трубочистъ олицетворяетъ Время.

Оно неизбѣжно приходитъ, неумолимо открываетъ отдушину нашего сердца, безжалостно копается въ немъ и выбрасываетъ оттуда горсточку воспоминаній...

А потомъ заходитъ прислуга — Смерть и выметаетъ ихъ въ склизкую, черную яму...

Жанъ Нуаръ.

ATECO
EXTRA
die Qualitäts-Klinge!!!

Бритвы, машинки для бритья, ножницы
Фабрика стальныхъ издѣлій
A. Thielfelder & Co.
Köln a. Rh. 42 Soling.
Переписку направлять въ Главную контору: Köln a. Rh. 42, Bismarckstr. 18.
На Лейпцигской ярмаркѣ:
Messh. Reichskanzler
Petersstrasse 20.
I. Obergesch., № 354-356

O. JANIAK, МУЖСКОЕ ПЛАТЬЕ :: НА ЗАКАЗЪ ::
Богатый выборъ превосходн. тканей
Международн. маіестура
Наилучшее исполненіе.
Тел. Kurfürst 4347 :: Berlin W 35, Kurfürstenstr. 143

Анатолій Вершховскій.

Берлинское Воскресеніе.

I.

Спорить начали за три недѣли.

Жена утверждала, что Пасху нужно справлять по старому стилю, какъ справляли въ Москвѣ, безъ всякихъ отклоненій и въ видѣ протеста всѣмъ четыремъ интернаціоналамъ.

Отставной полковникъ Бубликъ-Загорѣльскій, родственникъ и великій охотникъ до возліяній, сдѣлавъ стратегическое лицо, доказывалъ, что «съ нѣмцами жить, съ нѣмцами и пить», а также изъ солидарности по Рурскому вопросу и вообще, а въ частности нельзя забывать, что мы русскіе — люди съ опредѣленнымъ историческимъ укладомъ, а посему праздновать надо дважды.

Константинъ Маркелычъ подалъ голосъ за отмѣну праздниковъ вообще и довольно-таки проникновенно пробурчалъ что-то такое о двухстахъ милліонахъ голодающихъ, которые своими худыми рученками и т. д...

Ему отрѣзали вродѣ того, что «и безъ тебя на свѣтѣ тоскливо и что только съ такимъ дуракомъ, какъ онъ можно было, претерпѣвъ все, бѣжать за двѣ недѣли до нэпа».

Спорили, спорили и ничего не порѣшили.

Такъ и осталось неизвѣстнымъ:

Пить ли съ нѣмцами, пить ли дважды, или вообще не пить.

II.

За двѣ недѣли жена становится нѣжной до щекотанія въ желудкѣ и жужжитъ какъ муха въ патокѣ:

— Котикъ, иди поцѣлуй меня вотъ сюда.

Котикъ пыхтитъ и встревоженно тычется въ толстую напудренную щеку.

Не нравятся ему эти миндальныя нѣжности. Но что подѣлаешь съ женщиной, когда она льнетъ къ тебѣ какъ банный листъ и ровно ничего не требуетъ?

Остается дѣлать видъ, что котикъ давно привыкъ къ нѣжностямъ и что онъ вообще безумно счастливъ.

Однако и поддаваться раньше времени не слѣдуетъ. И котикъ дѣлаетъ грустное лицо, отодвигаетъ тарелку съ недоѣденнымъ супомъ и начинаетъ жаловаться.

Ему, Котику, по его словамъ, не везетъ, какъ бахчисарайскому барану, и доллары-то его подвели, и марки у него къ горлу самому подошли, и съ бумагами что-то вродѣ трехперстной комбинаціи. Если ему повѣрить, такъ онъ, Котикъ, самый разнесчастный эмигрантъ, о которомъ всѣ почему-то думаютъ хорошо, а въ самомъ дѣлѣ — не сегодня, завтра его прогонятъ съ биржи и даже куда-то запрутъ.

Голосъ Котика звучитъ такъ трогательно, что даже хозяйскому волкодаву становится не по себѣ...

Но жена, какъ и всѣ жены, не выноситъ цифръ. Цифры ея врагъ, закоренѣлый и безпощадный и притомъ она рѣшительно не вѣритъ Котику. Ясно, какъ компартія, что Котикъ вретъ, и замазываетъ глаза.

Откуда у него деньги, она не знаетъ, но инстинктивно угадываетъ ихъ присутствіе въ домѣ.

Но... этого тоже говорить не слѣдуетъ. И даже, наоборотъ, слѣдуетъ пожалѣть Котика, приласкать его, купить пару сигаръ и только тогда, когда старый дурень опьянѣетъ и вообразитъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, тогда и налетѣть на него сразу, огорошить, навести панику, взять въ плѣнъ и четвертовать.

III.

За недѣлю до праздника Котикъ, уже предвидя свое паденіе, еще разъ заводитъ разговоръ о тяжелыхъ временахъ, о Волгѣ, о Рурѣ, и о томъ, что иностранцамъ въ Берлинѣ не слѣдуетъ демонстрировать преступную роскошь. Онъ преисполненъ благороднаго негодованія и клеймитъ паразитовъ, выпивающихъ въ одной Европѣ за дни праздниковъ столько шампанскаго, что по подсчету какого-то американскаго астронома, мужа знанія и науки...

Но изъ кухни уже доносится предательскій запахъ, дѣйствующій на Котика внезапно, какъ ожогъ плетки на арабскую лошадь.

— Что бы это могло быть, думаетъ Котикъ и, напѣвая съ безразличнымъ видомъ какой-то мотивъ, которому надлежитъ увѣрить всѣхъ, что Котикъ сердитъ на весь міръ и что на все ему премного разъ наплевать лѣзетъ къ кухнѣ.

На кухнѣ звучатъ хлопотливые, веселые голоса дѣтей и жены, вперемежку съ аханьями фрау Шинкенклингель.

Одинъ Котикъ бродитъ по квартирѣ, какъ какой то комсомолъ неприкаянный.

— Свинство, въ общемъ. И о чемъ онѣ пищатъ тамъ? — Прислушивается.

— А у Филаретовыхъ и Фюрстенберговъ во какіе окорока — захлебываясь говоритъ младшая Лиза. Не окорока, а бегемоты. По два свиныхъ зада въ каждомъ. Ей-Богу.

— Дай мнѣ изюмъ и не божись— говоритъ мать.

— Окорока — злобно шепчетъ Котикъ. Конечно... окорока... Филаретовъ опять сцапалъ субсидію, а Фюрстенбергъ — кадетъ. Извѣстно, что кадеты всегда продавали Россію. Противно слушать.

— А къ Черемисовымъ отъ Филиппова два торта понесли — одинъ фисташковый а другой съ сахарнымъ фонтаномъ.

— Черемисовы?! — вспоминаетъ Котикъ. Какіе-же это Черемисовы? Не тотъ ли, что спекулируетъ на деньги союза? Надо будетъ сказать въ какую-нибудь редакцію. Пусть прохватятъ этого мерзавца за фонтаны. Давно пора, а имъ ничего не стоитъ.

— Даже Шнирельманы, хоть и евреи, а купили двѣ дюжины рейнвейна на всякій случай...

Послѣдній аккордъ. Котикъ больше не выдерживаетъ и, отойдя на цыпочкахъ отъ двери, спокойно, съ запекшейся слюной во рту, зоветъ жену.

Она входитъ, красная и растрепанная.

— Вотъ что, — говоритъ Котикъ, надо бы пойти купить всего... этого... понемножку. Кажется, Пасха идетъ. Можно бы и вамъ объ этомъ подумать.

Это предсмертныя слова Котика.

IV.

Черезъ полчаса въ человѣческую лавку на Курфюрстендаммъ вливаются еще двѣ мечущіяся, толкающіяся фигуры.

Все перевернулось вверхъ ногами и шиворотъ-навыворотъ.

Котикъ разглядываетъ сельди:

— Взять?

— Возьми пару — шепчетъ жена.

— Вехсъ штюкъ — командуетъ Котикъ.

— Вина прикажете?

— Фюнфъ малага, дрите маль мокка уидъ ахтъ шампань — сладострастно рычитъ Котикъ и побѣдно тычетъ пальцемъ.

Потомъ выходятъ и сваливаютъ грузъ на почтенный фіакръ временъ Фридриха Барбароссы.

— Ахъ! — говоритъ жена.

— Ну что еще?

— Ситчику фрау Шинкенклингель.

У Котика видъ стараго мула опоеннаго эфиромъ. Онъ еще вращается, но соображеніе потерялъ давно. «Руси есть веселіе пити» — говорилъ полковникъ Бубликъ — и я, какъ, прирожденный монархистъ... шутъ его знаетъ! Ни одной мысли за хвостъ не поймаешь.

Ѣдутъ домой. Фридрихъ Барбаросса уныло подхлестываетъ клячу.

На счетчикѣ выскакиваютъ все новыя цифры и охлаждаютъ разгоряченный мозгъ.

— Ну и проперли семьсотъ тысячъ — бурчитъ Котикъ. Совершенно мое дѣло и никого не касается.

Жена молчитъ. Ея миссія закончена.

— Обидно только, что въ карманѣ, какъ у негра въ желудкѣ, добавляетъ онъ громко и подозрительно косится на жену.

Пріѣхавъ онъ долго провѣряетъ счетчикъ и, тряся бумажникомъ, доказываетъ, что фюнфъ тузендъ фиръ хундертъ это — три тысячи семьсотъ и ни копѣйки больше. Изъ бумажника вылетаетъ нѣсколько пятидесятитысячныхъ.

— Ты что-то уронилъ — говоритъ жена.

— Чепуха — съ отчаяніемъ отвѣчаетъ Котикъ. Это почтовыя квитанціи.

— Нѣтъ, это не почтовыя квитанціи — говоритъ нагибаясь жена.

— Увѣряю тебя, что это почтовыя квитанціи, отвѣчаетъ Котикъ, лихорадочно собирая упавшія бумажки.

V.

Потомъ, въ жизни Котика начинается другая эра.

Во-первыхъ онъ становится Константиномъ Маркелычемъ, во-вторыхъ на его столѣ — пирамида мебели, его бумагами заняты дѣти, его запонки, манжеты, гребень — все провалилось куда-то въ тартарары и никому не извѣстно, гдѣ находится.

Котикъ ходитъ голодный, взвинченный и злой вдоль и поперекъ кабинета.

А въ корридорѣ фрау Шинкенклингель, предчувствуя «паршивенькій ситчикъ», изнываетъ отъ желанія подѣлиться своимъ возмущеніемъ.

Она сама «собственными глазами» слышала, какъ какой-то усатый русскій герръ говорилъ другому нѣмецкому герру и нарочно по нѣмецки, чтобы фрау Шинкенклингель слышала, что герръ докторъ старый мошенникъ и спекулянтъ, и что всѣ видѣли, какъ онъ швырялъ доллары за шампанское.

И слушая это — Котикъ задыхается отъ злости и рѣшаетъ не приглашать никого изъ прохвостовъ гостей.

Анатолій Вершховскій.

Несбывшіяся надежды.

(Письмо изъ Копенгагена).

Въ рамки этого письма не втѣснить, даже въ краткихъ чертахъ, исторію краха «Ландмандсбанкена», крупнѣйшаго изъ датскихъ банковъ. Поэтому я ограничусь лишь замѣчаніемъ, что потери банка исчисляются въ суммѣ свыше двухсотъ милліоновъ кронъ и что вкладчики ничего не потеряли. Но вмѣстѣ съ резервнымъ фондомъ и огромными субсидіями государственнаго банка канулъ въ денежную Лету основной капиталъ «Ландмандсбанкена» въ 100 милліоновъ кронъ и увлекъ съ собою въ пропасть разоренія и нищеты тысячи акціонеровъ.

Внѣ рамокъ этого письма должны оставаться подробныя причины этого банковскаго краха. Внѣ Даніи врядъ-ли даже подозрѣваютъ, что корни паденія такого могучаго финансоваго института могли быть заложены только въ войнѣ и были въ ней заложены глубоко. Данія, ведшая въ первые годы войны политику оппортунизма, въ 1918 году, когда счастье покинуло Германію, поставила ради Шлезвига свою карту на болѣе сильную Антанту. Это не помѣшало державамъ - побѣдительницамъ наложить на маленькую Данію большую долю военной контрибуціи.

Конечно, о контрибуціи въ военномъ смыслѣ не было и рѣчи. Нынче бьютъ слабѣйшаго не политическимъ кнутомъ, а экономическимъ кнутовищемъ. Экономически Данія тѣснѣе всего связана съ Германіей, и сбереженія всего датскаго населенія были закрѣплены въ маркахъ. Создавъ уплату по репараціямъ, Антанта не только уничтожила покупноспособность марки, но и разорила попутно нейтральную Данію съ ея малоустойчивой политикой. Англія сбыла датчанамъ свои сукна и миткали, не выдержавшіе конкурренціи нѣмецкаго товара, а Америка выкачала остатки датскаго благосостоянія въ уплату за сало и муку.

Въ этихъ условіяхъ вдвойнѣ трагична судьба бывшаго главнаго директора «Ландмандсбанкена» Глюкштадта. Никто не сомнѣвается, что въ его руководствѣ банкомъ не было признаковъ злой воли. Всѣ понимаютъ, что онъ и его банкъ стали жертвой войны и сложившейся конъюнктуры. Но трудно теоретически обвинить Антанту, когда тысячи обозленныхъ акціонеровъ вопятъ о своихъ потеряхъ и требуютъ «справедливости». Толпѣ всегда нуженъ «козелъ отпущенія», и вмѣсто чисто символическаго «привлеченія къ отвѣтственности» тѣхъ, кто продиктовалъ въ Версалѣ міру свою злую волю, брошенъ въ тюрьму бывшій директоръ-распорядитель банка.

Значительная часть датской печати сознаетъ, что Глюкштадтъ—та жертва, которая брошена на растерзаніе «акфрямъ»-акціонерамъ, и щадитъ его личность, его частную жизнь, его самолюбіе. Только «Политикенъ»,—газета, всегда ставившая сенсацію выше объективности, всегда первая кидавшая камнемъ въ того, кому она еще вчера поклонялась,—только эта одна газета, не то, что годы, а десятилѣтія ползавшая на брюхѣ передъ всесильнымъ директоромъ «Ландмандсбанкена», теперь осыпаетъ его личной бранью и копается съ сладострастіемъ въ его грязномъ бѣльѣ.

Если не въ личной жизни бывшаго директора, то въ толстыхъ и грузныхъ бухгалтерскихъ книгахъ «Ландмандсбанкена» копается теперь цѣлая комиссія спеціалистовъ и экспертовъ. Датскій парламентъ также выдѣлилъ изъ своей среды особую комиссію по изученію этого банковскаго краха и его тяжелыхъ послѣдствій для страны. Каждый допросъ Глюкштадта происходитъ, въ виду заинтересованности всей страны, въ присутствіи слѣдователя, прокурора, защитника и стенографистовъ, записывающихъ каждое слово, отмѣчающихъ каждую мелочь допросовъ.

Стенографическіе отчеты многочасовыхъ допросовъ публикуются полностью въ газетахъ. Едва ли потрясающія вѣсти изъ Рурской области читаются датской публикой съ такой жадностью, какъ эти сухіе по внѣшности, трудные по разбираемымъ финансовымъ вопросамъ, но столь многогранные въ ихъ разнообразіи отчеты. Мелькаютъ милліонныя цифры, называются сотни именъ и фирмъ, скрещиваются юридическія тонкости обвиненія и защиты, и встаютъ въ памяти читателей новыя понятія о фирмахъ и людяхъ, возникшихъ во время войны и тѣсно связанныхъ съ ея послѣдствіями.

Многіе-ли датчане подозрѣвали, что и кто кроется за такъ называемой «Трансатлантической Компаніей», этой по внѣшней кличкѣ безымянной фирмой, возникшей въ Копенгагенѣ, уже послѣ войны и начавшей съ устройства конторы въ одномъ очень популярномъ домѣ, бывшемъ когда-то дворцомъ, а потомъ «танцулькой», гдѣ бюргерскія горничныя танцовали плечо о плечо съ копенгагенскими кокотками. Странный переходъ этого дома подъ контору интересовалъ тогда больше, нежели тотъ фактъ, что во главѣ «Трансатлантической Компаніи» стояли два брата Плюмъ,—два датчанина, которые, по выраженію одного нѣмецкаго романиста, строили въ Россіи свое благополучіе на датскомъ происхожденіи Маріи Федоровны.

Сметенные большевистской бурей изъ Петрограда обратно на родину, эти датскіе дѣльцы стали строить

ОБУВЬ
бальная и роскошныя новинки
тонкая городская обувь
Schuhwarenhaus Heinemann
Maassenstrasse 14
(Ecke Nollendorfplatz)
Тел.: Kurfürst 5420

Спеціальная фабрика
Стоячихъ
Электрическихъ
Лампъ
Ständerlampenfabrik
BERLIN O 34
Königsberger Str. 4

BIKU G. m. b. H.
Berlin O 112, Müggelstrasse 33
ЭЛЕКТРО-МАТЕРІАЛЫ
для тока высокаго напряженія
Требуются спеціалисты-представители.

Jacubowitz & Pilpel
Gummimäntelfabrik
BERLIN C 2 :: BURGSTR. 7.
Дамскія, мужскія и дѣтскія
ДОЖДЕВЫЯ ПАЛЬТО
изъ резины и прорезиненныхъ тканей

СПЕЦІАЛЬНОСТИ:
БОКСКАЛЬФЪ
ШВЕДСКАЯ КОЖА
ШЕВРО
JULIUS HEIMANN
BERLIN C 2, POSTSTR. 7—8.
ЛАКОВАЯ КОЖА
КОЖА ДЛЯ САНДАЛІЙ
КОЖА ДЛЯ СУНДУКОВЪ :: ::

Зубоврачебныя
принадлежности
Curt Gude
Dental-Engros-Export. :: Berlin-Charlottenburg 5.

Аптекарскій магазинъ Wannsee
Berlin W 9, Linkstr. 41, близъ Potsdamerplatz
Химическ. и косметическ. лабораторія. Германскія и заграничныя фармацевтическія спеціальности.
Единственный фабрикантъ
Зубн. эликс. и порошка Dr. Jänicke
Медицинскіе анализы.

I. C. F. Schwartze
Berlin W 66, Mauerstrasse 81
рядомъ съ Кау
Аптекарскіе товары и Парфюмерія

Усовершенствованная МЕБЕЛЬ АЛЯ
для хирурговъ и зубныхъ врачей
Собств. фабр. Складъ зубовр. принадл.
BRÜDER FUCHS, BERLIN W 50 Königsberg i. Pr.

ЧЕСАЛЬНЫЕ АППАРАТЫ
подержанные, съ гарантіей исправности, не ремонтированные, для шерсти № 16 до 30 (Lambours peigneurs, en laine и т. п.) предлагаетъ
съ немедленной поставкой
Industriebau- & Textilmaschinen Gesellschaft m. b. H.
BERLIN NW 6, SCHIFFBAUERDAMM 19.
Адр. для телегр.: Industspinnet :: Тел. Lützow 5924

Adolph Pieck
G. m. b. H.
Спеціальность:
ПЛИТЫ ДЛЯ ВЫКЛАДКИ
Кафельныя печи соб. произв.
BERLIN, Lindenstr. 27.
Тел.: Dönhoff 334.

Georg Händler
ЮВЕЛИРНЫЯ ИЗДѢЛІЯ
изготовленіе на заказъ и передѣлка
ПОДАРКИ
BERLIN W 9, Potsdamerstr. 13
близъ Potsdamerplatz.

ПОКУПКА ДРАГОЦѢННЫХЪ МЕТАЛЛОВЪ
БРИЛЛІАНТОВЪ
СПЕЦІАЛЬНО
ПЛАТИНЫ
Walzer, Auguststr. 41
уголъ Rosenthaler — Тел.: Norden 8759.

ЧАСЫ ДРАГОЦѢННОСТИ
ЗОЛОТЫЯ И СЕРЕБРЯНЫЯ ВЕЩИ
Покупка — Продажа
Hugo Klein
Berlin W 30 Neue Winterfeldtstr. 10
(Уголъ Martin Lutherstrasse)

Жемчугъ
Superior Perle
массивный окрашенный
Heinr. Heinz G.m.b.H.
Berlin SW 68, Alte Jakobstr. 125

БРИЛЛІАНТЫ ЖЕМЧУГА ЧАСЫ
Покупаемъ по высшимъ цѣнамъ
Драгоц. металлы
вещи постоянный обмѣнъ на очередныхъ распродажахъ.
KATZ & Co.
Augsburgerstr. 21. 3 минуты отъ Wittenbergplatz
Починка и передѣлка въ собственной мастерской.

Покупное отдѣленіе MAX BUSSE Основано въ 1878 г.
Brunnenstrasse 18 — близъ Invalidenstrasse
Покупка и комиссіонная продажа
Брилліантовъ
жемчуга золота серебра платины
необходимо предъявленіе документовъ.